

вой, опущенной вниз, — пламень огненный»⁶. Думается, многим это описание напомнило образ шестикрылого серафима из пушкинского «Пророка».

Образ ангела встречается и в поэзии Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...
Он душу младую в объятиях нес,
Для мира страданий и слез...
(«Ангел»).

При сопоставлении стихотворений Лермонтова и Некрасова легко заметить ассоциативный повтор: *ангел — (душа) — песня*. Реминисценция из лермонтовского текста наводит на мысль, что лирическому герою Некрасова скоро предстоит проделать путь, обратный тому, что совершила «душа молодая».

Но за пушкинским и лермонтовским текстами стоит еще один, первоначальный, библейский: *ангел света* — выражение, заимствованное из Священного Писания.

Библия послужила источником и другого сходного образа в творчестве Пушкина и Некрасова. Мы имеем в виду притчу, начинающуюся словами: «Изыде сеятель сеяти семена своя...», которые были взяты Пушкиным в качестве эпиграфа к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...».

Эта же библейская притча⁶ стала источником образа *сеятеля*, ключевого в творчестве поэта⁷ и полемического в

отношении к образу пушкинского *сеятеля*. Слова Пушкина

Паситесь, мирные народы.
Вас не разбудит чести клич...

внешне резко контрастируют с последними строками стихотворения Некрасова:

И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы.

На самом же деле, если вдуматься, горький смысл пушкинских строк оказывается парадоксально близок оптимистическим строкам Некрасова.

Итак, анализ стихотворения Некрасова «Сон» показал, что символы и реминисценции делают смысл этого произведения сложным и загадочным. В тексте одновременно звучат мотивы ожидания смерти, надежды на выздоровление, вера в духовное обновление Родины. Вероятно, это далеко не полный список возможных интерпретаций короткого стихотворения. Лингвопоэтический анализ текста позволяет сделать вывод, что в творчестве Некрасова кроется множество загадок, ожидающих своего решения. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что «Последние песни» требуют чрезвычайно глубокого и детального изучения, поскольку в них поэт «слил воедино две мощные струи русской поэзии. Одна из них связана с культурой образованных слоев русского общества, с европейскими идеями, другая — с простонародной русской культурой. Постепенное и последовательное их сближение стало решающей тенденцией развития художественного сознания Некрасова»⁸.

⁶ Знаменательно, что в Евангелиях от Марка и Матфея эта притча звучит из уст Иисуса Христа, который проповедует «у моря». Таким образом, символ сеятеля в библейском первоисточнике пересекается с образом «ловца человеков» (ср.: «Скажу: Будь снова человек»).

⁷ См. стихотворения «Несжатая полоса» (1854), «Сеятелям» (1876) и др.

⁸ Коровин В. И. Русская поэзия XIX века. — М., 1997.